

ВИТАЛИЙ ШТОЛЬМАН

ХОЛОСТЯК

ВЫЖИТЬ ПОСЛЕ РАЗВОДА

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Виталий Штольман

Холостяк. Выжить после развода

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69039994
SelfPub; 2023*

Аннотация

У меня было 500 рублей, полкастрюли супа, сковородка макарон по-флотски, непригодность к жизни и отсутствие перспектив. От меня ушла жена и теперь я вынужден выживать в этом суровом и жестоком мире! Ни в коем случае не повторять, все трюки выполнены профессионалами.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виталий Штольман

Холостяк. Выжить после развода

Все персонажи и события вымышлены, а совпадения случайны.

Отсылки к культовым вещам являются данью глубокого уважения автора.

Пролог

Иногда один неверный шаг отправляет человека в полет ко дну пропасти, где ничего хорошего его точно не ждет. В этой истории у меня не было ни основного парашюта, ни уж тем более запасного. Невесомость и ускорение свободного падения. Вот где я очутился. Надолго ли и достиг ли я дна? Вам придется потерпеть, ибо об этом моя книга.

Жизнь обычно закаляет людей, но у меня же все было иначе. Однажды в кофейне я встретил свою первую любовь. Да-да, как в кино. Все так и было. Я щелкал лицом, смотря на божественные донаты, что обменяла на деньги добрая тетушка из Средней Азии. На полном ходу в меня влетела моя ненаглядная. Спустя десять лет как ее злой отец увез от меня в дальние дали. Десять лет о ней ни слуху ни духу. Я уж начал забывать даже не то, как она выглядит, а как любил ее. Этот гормональный подъем пубертатного периода казался лишь одним из теплых воспоминаний из прошлого. Не более и не менее. А тут на тебе!

У нее вообще это хорошо получалось – выбивать из-под меня землю. Всегда. И тут завертелось, закрутилось. Искра, буря, безумие. Моя прекрасная Евгения окружила меня заботой и теплом, которых я не был достоин. Почему? Удобно было. Я посадил свою тощую задницу на ее хрупкие плечи, да еще и болтал ногами. Она ворчала, но спасала меня каж-

дый раз, когда судьба лихо закручивалась в повороте на сто восемьдесят градусов. Женька была моим ангелом-хранителем. А я? А я охуел, говоря по-русски. Ну не сразу, конечно же. Нельзя ж взять так резко и охуеть – никто тебя, голубчика такого, терпеть не будет. Но если сей процесс выстроить в систему и методично, маленькими шажочками понижать планку ожиданий от тебя, то когда у жены придет осознание, какого дракона она приручила, будет уже поздно. Пути назад нет. Добрый вечер! Как в той присказке про лягушку, которую сварили в котле.

Я бросил работу в перспективном стартапе, ибо это не принесло мне никакого морального удовлетворения. У меня появилась четкая цель – стать писателем. Жена уже перестала удивляться, родственники давно списали со счетов, а друзьям моим было абсолютно по барабану, ибо я и раньше на пьянках веселил их разными историями, да и дружба строится на несколько иных принципах взаимоотношений между людьми. К слову, литературной струей в мою жизнь занесло массу прохиндеев от искусства, коих жизнь потрепала не меньше, чем меня, а творения с вытворяниями были единственным глотком воздуха, что заставляли жить в мире.

К своим тридцати трем годам за плечами я имел два романа, один из которых был так и не дописан, два небольших сборника рассказов, толстенную медицинскую книжку, квартиру в Люберцах, доставшуюся мне от бабушки по наследству, красавицу жену и огромные претензии к этому ми-

ру, ибо Лермонтовым я, к сожалению, так и не стал. Я даже не умер на дуэли в двадцать шесть. В общем, ничего общего. До Пушкина мне еще четыре года, а до Чехова – восемь. А пока я не написал свои «Капитанскую дочку» и «Вишневый сад», надо держаться подальше от ретивых до стрельбы мужиков и туберкулеза. Помирать рано, ибо неизвестность не входит в мои планы, да и своего Печорина я еще не создал.

Глава 1

Утро было прекрасным, до тех пор пока я не попал в развод. После тщательной чистки зубов я направлялся на балкон, чтобы выкурить свою первую сигаретку. Что может быть прекраснее утренней сигаретки? Тот, кто курит, сейчас сто процентов пустил слюну, вспоминая то великолепное чувство, когда табак предается огню и попадает еще в полусонный организм. Это ли не счастье? Однако гармонию разрушила моя ненаглядная, чтоб ее. У женщин эта суперспособность, похоже, передается на генетическом уровне. Интересно: это создатель накосячил или намеренно создал прекрасных дам такими, чтоб нам не жилось уж слишком хорошо? Белые полосы должны сменяться черными – такова природа, от нее никуда не деться. Мне такой расклад не нравился, но кто меня вообще об этом спрашивал? Глаза жены наливались кровью, рука инстинктивно тянулась к скалке, а я обреченно затягивал никотин в свои легкие, даже не подозревая, что львица уже приготовилась к прыжку на свою жертву.

– Я памятник для тебя какой или что? – напомнила о своем существовании жена.

На подобные вопросы нет правильного ответа. Проще было бежать, чем выкручиваться. Женька стояла посреди кухни, держа в руке маленький крючок для кухонного полотенца. Представляете, дело было в крючке, маленькой пластмас-

совой штучке. Раздуть из мухи слона – это так по-женски, хотя тут, наверно, я все-таки виноват, как и в любой другой ситуации, по версии моей супружницы.

Его обещал ей вкрутить в стену еще две недели назад. Ду-маю, моя ненаглядная справилась бы и сама. Благо руки у нее откуда надо растут, однако ж ее функционал не был столь обширен, чтобы освоить такое чудо техники как перфоратор. Стены-то у нас о-го-го, при царе еще строили. Тогда-то умели строить. Вон соседние хрущевки уже доживают свой век, а наши красные кирпичи все стоят и еще столько же простоят, чего им будет. В общем, крючок был, а проблемы, что он нес за собой, увеличивались в геометрической прогрессии моего простоя и пустых обещаний о том, что я обязательно сделаю это завтра. Завтра – что-то недостижимое в моей реальности. Мир относителен, как не крути, только вот объясните сие моей жене.

Женька совсем не игриво, а больше с вызовом и претензией крутила в руках этот чертов крючок, а глаза ее рентгеновским излучением исследовали мое нутро.

– Жень, ну чего ты начинаешь? Повешу я тебе этот крючок!

– Ты вчера так говорил, и позавчера, и позапозавчера!

– Занят был.

– Чем? Который год уже сидишь на моей хрупкой шее. Сил уже моих больше нет!

– Писал новый рассказ. «Один день из жизни токаря ше-

стого разряда» называется. Там у человека день-дребедень, все через жопу.

– Прям как у тебя! Вся жизнь!

– Жень, что ты вот начинаешь, а? Не вся жизнь у меня – жопа! Есть и светлые полосы, ты вот, например.

– Штольман, как мне все это надоело!

Женька бросила в меня крючок, но ловкость в моем увядающем теле еще присутствовала, я мастерски уклонился, словно Нео из «Матрицы» от пуль, пущенных агентом Смитом. Снаряд вылетел через открытую балконную дверь на улицу. Разорвался он, похоже, где-то там, а взрывная волна накрыла меня здесь – из уст моей ненаглядной.

– Виталя, как ты мне дорог! Я разведусь с тобой, понял?

«Шутит!» – подумал я и решил помолчать, в такие моменты лучше не подливать масла в огонь, знаем – плавали, она выговорится, остынет – и все будет ок, по крайней мере у меня.

– Я выходила замуж за нормального мужика с перспективной работой и большими планами на жизнь.

«Виталя, че ты как тряпка, вылезай из-под каблука! Давай осади ее! Ни с кем она не разведется, это так – понты, как обычно, воздух посотрясать! – говорил мне мой внутренний голос. – Чего-то она много разговаривать стала! А сейчас у тебя не перспективная работа? Ты, епт, писатель! А планы у тебя какие? О-го-го. Пулитцера надо брать, а там, может, и Нобеля. А ты тут позволяешь ей размазывать тебя по ла-

минату!»

– А сейчас посмотри на себя! Не работаешь! Пьешь постоянно! Книги твои никто не покупает! Виталя, ты не великий писатель, ты графоман.

У меня аж руки затряслись. Назвать гения, хоть и непризнанного, графоманом – это уже чересчур.

– Чего ты сказала? – зло ответил я.

– А то и сказала! Был бы ты гением, тебя бы читали! А тебя, кроме друзей твоих алкашей, никто и не читает.

– Во-первых, я гений, опережающий свое время, а во-вторых, мои друзья не алкаши, а тонкие и ранимые творческие личности с глубинным мышлением, которое простым обывателям не постичь никогда, ибо слишком широко для вашего понимания, сечешь?

– Виталя, ты посмотри на себя! Ты летишь на дно и меня с собой тащишь. Как мне все это надоело! Посмотри, как люди живут, и как мы.

– Срать я хотел на этих людей. У них эра упаковки. Обгрызенное яблоко вместо мозгов. Нашла тоже мне, на кого смотреть! Они ж все копии копий. Без мнения и видения. Рты их чужие мысли произносят. Роботы в человеческом обличье.

– Зачем я вообще вышла за тебя замуж? У меня даже парень был, когда я тебя встретила в той кофейне.

– Ну и вали к своему парню. Купите по айфону, тачку в кредит, нарожаете с ним детей и будете воспитывать их. Пре-

вратишься в типичную язвать, как все, и всё – жизнь удалась.

Женька заплакала.

Вот это я, конечно, зря ей про детей напомнил. Дело в том, что история нашей первой любви закончилась тем, что моя ненаглядная залетела в девятом классе. Рановато, не спорю, да еще если учесть, что у нее батя – бравый военный, верящий в ее целомудрие, а тут такой позор. Тогда-то они и переехали в другую часть, а Женьку заставили сделать аборт. Что-то пошло там не так. Я не очень разбираюсь в этих женских штучках. По итогу она больше не может иметь детей. Врачи так и говорили, что стоит верить в чудо, но оно никак не случалось. А я тут на больное, видать, надавил. Когда человек в гневе – и не такое выпалить может, уж простите! Люди причиняют боль тем, кого любят.

Я попытался подойти, чтобы обнять и успокоить ее, но дикобраз выпустил свои длинные иголки на метр.

– Как меня это все достало, Виталя! Не жизнь, а драма какая-то! Муж-алкоголик, детей нет. Планов нет. Работа – дом, дом – работа! Одна рутина и бытовуха, где радости и счастье? Где? А я тебе скажу. Нет их с тобой! И не будет!

– Я не алкоголик! – попытался вставить я, но диалога не вышло.

– Я хочу жить нормально, а не вот это все! Ты гребанный крючок в стену прибить не можешь! Я прошу-прошу, а ему насрать! – Женька вопила как припадочная. – Виталя, ты ис-

поганил всю мою жизнь! Я развожусь с тобой! Это не шутка! Я серьезно!

– Жень, ну че ты вот начинаешь?

– Я уже закончила. Ты меня достал, Штольман!

Впервые за тридцать три года предо мной стояло чистое зло. Чистейшее. Ничем не прикрытое. Глаза ее были нали-ты кровью. В тот момент черти в аду отреклись от дьявола и встали в ополчение к моей благоверной. Думаю, она могла убить меня в тот момент. Я решил тихо удалиться, но тихо не вышло. В меня летела кухонная утварь, затем что-то в коридоре.

– Я разведусь с тобой, сволочь! – орала она мне вслед, когда я спускался по лестнице. Хорошо, что мне плевать на своих соседей, а то, возможно, было бы чуточку стыдно за этот спектакль одного актера. – Всю жизнь мне испоганил!

– Истеричка! Санитарам расскажешь, которые тебя в дурку упакуют! – крикнул я ей, но она, скорее всего, не услышала, зато услышало мое эго, которое успокоилось, ибо в этой словесной дуэли последнее слово осталось за мной.

Мне срочно нужно было выпить. Кажется, я дошел до красной черты. Не своей. Ее. За нее нельзя было даже наступать, а я заехал на танке, за что и поплатился. Надо было что-то делать! Ну не конкретно сейчас, а потом. Сейчас мне нужно было снять стресс. Эмоции и 500 рублей в кармане давили на душу.

В ближайшей «Пятерочке» я мог найти винно-водочный

отдел с закрытыми глазами, несмотря на то, что он находился на втором этаже. Сложность выбора заключалась в ограниченности бюджета, ибо я не знал, что будет во втором акте Женькиного спектакля. Чекушка «Столичной» выглядела вполне презентабельно, да еще и за 179. В компанию к горяченькой просилась маленькая газировка за 21 рубль.

Тетушка на кассе дежурно пробила мои товары. Вот уж у кого с нервами порядок, так это у нее. Сколько тут дебилов за целый день пытаются вынести ей мозг на тему отличия цены на полке и в чеке или просрочки какой-то. Как же эти придурки не понимают, что все их негодование – не в адрес, но этим людишкам плевать, им лишь бы понять и покачать права. А кому направить свой праведный гнев? Правильно! Да кто попадется! «Годзиллу против Конга» смотрели? Вот примерно так происходят эти битвы при кассе в «Пятерочке». Титаны бьются, а мир вокруг рушится. Сейчас рушился и мой мир, а Годзилла была единственным препятствием, что отделяла меня от водки. Нарываться на нее я не хотел, еще вот этого мне не хватало.

– Пакет брать будете? – равнодушно выдавала до дыр заезженные фразы из кодекса правоверного сотрудника «Пятерочки».

– Нет.

– Товары по акции не желаете?

– Нет.

– Карта «Пятерочки».

Точно! У меня ж есть карта, и на ней накопились какие-то баллы. Я ж своего рода тоже инвестор.

– А списать можно все, что там есть?

– Если есть! – кассирша пикинула картой по терминалу. – 2010 баллов.

– А в рублях это сколько?

– 201 рубль, – закатив глаза сообщила мне продавщица.

– А можно все баллами оплатить?

– Можно!

– Тогда спишите все!

Вот так «Пятерочка» выручает. Спасибо, моя Годзиллушка! Я бы вознес тебя на руках, если бы смог поднять. Довольный, я покинул магазин. В целом был бы счастлив, если не учитывать общий антураж сегодняшнего утра. Вселенная не так уж ко мне и неблагосклонна. Пить на лавочке у своего подъезда я не рискнул. Возможно на горизонте появление психованной женщины в образе Женьки. Она и прибить в гневе способна. А я так-то не написал еще свой лучший роман. Это не тот случай, когда писателя начинают боготворить после смерти. Мой Печорин еще не родился из-под стука пальцев по клавиатуре, время неподходящее для насильственной смерти от рук возлюбленной. Драма у нас, конечно, сегодня прям по Шекспиру разыгралась.

Сел я на лавочке через подъезд. Кусты цветущей сирени прятали меня от несправедливого и сурового мира. Теплая водка пошла мерзко, но газировочка поправила нотки эти-

лового спирта в моем организме. А я ж даже не успел позавтракать. Бренное тело прибило на голодный желудок чекушку, чекушка прибила бренное тело.

Взор мой остановился на сирени. Помнится, в детстве мы искали трех- или пятилистные цветочки. Если съесть такой, то желание сбудется. Конечно, я ждал чуда, потому искал. А что бы я загадал? Очевидно ж – чтоб Женька перестала мне пилить мозг. Навсегда. Хотя я не уверен, что существует такая сильная магия, способная заставить женщину забыть о ее естестве.

Гром закрывавшейся двери на толстой пружине прервал мои поиски. Я выглянул из-за кустов. Это была Женька с двумя чемоданами. Неужто и правда собралась развестись со мной? Она и раньше в негодовании уезжала жалиться к маме, но с таким багажом еще ни разу. На чемодане сверху была уложена шуба, подаренная ей отцом.

«Ого, со всем приданым сваливает!» – подумал я.

Конечно, стоило бы подойти и успокоить ее, возможно, что-то да и изменилось, но я был уже пьян, а сей факт былотягчающим в моем преступлении против любимой женщины. К дому подъехало такси.

– На вокзал! – сказала Женька выбежавшему из машины кучеру, старающемуся запихать ее вещи в багажник.

– Довезу в лучшем виде, красавица!

– С шубой аккуратнее, она из соболя.

– Как скажешь, красавица, доведу в лучшем виде, краса-

вица!

– Вези уже!

Да вернется через пару дней, ну максимум недельку.

Из своего укрытия я вылез лишь тогда, когда такси скрылось из виду. Желудок волнительно заурчал, и я двинул в сторону дома. Стоило подкрепиться, а то вдруг мне еще сегодня пить. Я ж теперь холостяк. Временно, но холостяк.

В квартире прошел ураган Катрина, вернее Женина. Шкафы были раскрыты. Какие-то мои вещи валялись на полу. Вешалки. Сумки. Пакеты. Женькиных вещей почти не было. Странно. Я двинул на кухню, чтоб подкрепиться. В этом хаосе буйства Евгении выделялся тетрадный листок, вызывающе лежавший на столе. Это было послание от моей ненаглядной. Прощальное послание.

«Виталя! Я так больше не могу! Надо учиться отпускать и начинать жизнь сначала. Я не могу жить с эмоционально незрелым человеком. Нельзя быть ребенком в тридцать три года. Нам надо развестись. Заявление я подам сама, сам ты этого сделать не захочешь, да и не сможешь, потому что ты беспомощный. Оставшиеся вещи заберет мой папа, собери их. Не звони! Прощай!»

– Красивый почерк излагает неказистые мысли! – вырвалось из меня.

Похоже, это был не спектакль, и Женька не вернется через недельку. Еще и с этим ретивым военным видаться придется. Жесть. Так, а как жить-то дальше? Я открыл холодильник.

ник. Полкастрыли супа, сковородка с макаронами по-флотски и пара банок с тещиными закрутками. Ну, на первое время хватит. Из кармана я вытащил свои 500 рублей и тяжело вздохнул. Вспомнил про Женькину заначку, она думала, что я не знаю, но я знал, ибо иногда брал оттуда в долг. Если отодвинуть нижнюю дощечку шкафа, то открывается сокровищница царицы Шамаханской. Целых семь тысяч. К моему великому сожалению, моя зазноба забрала их с собой.

Мне пиздец!

Глава 2

Я сидел в осознании происходящего, люди еще называют сие «в ахуе». Как дальше жить? Привычные рельсы не просто сломаны, они взорваны партизанами, что неожиданно ворвались в мою жизнь. А все мой поганый язык! Вечно получаешь за него, Виталя! Вот надо ж было ляпнуть Женьке о детях, которых у нее никогда не будет. Ну теперь-то уже никуда не денешься. Может, попробовать ее вернуть? Но как? Вряд ли выйдет, ибо если моя зазноба решила, то хоть потоп, она будет стоять на своем. Как дальше жить? Меня пугала неизвестность грядущего. Дома за мной приглядывали родители, да и тогда еще был вкус к жизни, рождающий целеустремленность побега из той жопы, где проживали последние несколько поколений моего бесславного рода Штольманов. В армии вообще было все просто – делай то, что говорят, а если не делаешь, то лучше не попадаться. Времена своей работы на заводе я вообще толком не помню, ибо был пьян. Потом стартап этого моего друга Васьки, я ж тогда при бабках был. Вообще в современном, да и в любом другом мире удобно, когда у тебя есть денюжки. Бумажные. Электронные. Неважно. Вжух! И у тебя убираются к квартире. Вжух! И у тебя есть еда! Вжух! Вжух! Вжух! Но деньги не приносят того счастья, когда пишешь новую книгу. Когда ты весь в сюжете, рождая свою историю. Ты спать не можешь, ибо поток со-

знания постоянно генерирует идеи. Неважно, выдумана она или основана на реальных событиях. Пока ты пишешь, то горишь. Горишь ярким огнем, который освещает все вокруг и дает тебе силы сделать следующий шаг. За ним еще один, еще и еще. И все остальное уже не так важно. Это состояние сильнее любого наркотика. Деньги уже не имеют огромного смысла – бытие, комфорт и все прочее. Хотя у меня, конечно же, все это было. Спасибо моей Женьке, продержавшейся так долго, таща на своей хрупкой шее себя и любимого мужа – безработного ханыгу. Я мечтал стать Печориным, а стал Генри Чинаски. Да-да! Катиться с горы проще, чем лезть на нее.

Теперь я ронин, идущий своим путем. Каким? Мне самому еще неизвестно. Первым делом стоит выжить в этом безумном мире, где через пару дней в холодильнике закончится суп и макароны по-флотски.

Дико хотелось нажраться, но это явно был не выход. Я был на дне, но снизу могли постучать, потому в руках моих оказались блокнот и карандаш. Слышишь, жизнь? Не в этот раз! Если ты увидела во мне легкую добычу, то помни, что Давид бил Голиафа, а значит, и мне под силу выжить после развода.

Я подобрал свои запасы. Спасибо дальновидности моей жены! Несколько коробок с гречкой и рисом, большой пакет макарон, какие-то приправы, в морозильнике было даже какое-то мясо птицы – наверно, индейка, но это не точно. Женька даже сигареты покупала мне впрок блоками. К сча-

стью, утром я открыл новый, а значит, еще девять дней вопрос с сигаретками не стоит, но он остр, не стоит его сбрасывать со счетов. Вы вообще видели, сколько стоят сигареты? Этот табак выращивают, похоже, в Бразилии, а потом пароходами везут к нам. Про алкашку вообще молчу, постоянно поднимают этот чертов акциз и уменьшают объем бутылки. Там уже пить-то нечего, а цена все растет и растет. Эти наивные албанцы в дорогих костюмах думают, что мы бросим пить? Ага-ага, бегу и падаю. Полстраны бежит и падает. К какому-нибудь умельцу, собравшему из говна и палок самодельный аппарат и организовавшему массовое производство у себя на кухне или в подсобке. Можно, конечно, с такого и отравиться, но бутлегеры чтят свою репутацию в узких кругах, потому улучшают качество и наращивают производство. Иногда, правда, взрываются, но это уж издержки профессии.

На остатках былой роскоши я продержался пару дней, а затем пришлось вспоминать, как готовить. Я особо никогда и не был-то кулинаром. Несмотря на больной желудок, в моей бурной молодости на прием пищи отлично заходили пельмени и пиво. Ну это когда уже от мамки съехал. Так-то с ней не забалуешь. Без горяченького она не отпустит. Сейчас тема с пищей богов не подходит, ибо у меня банально нет на нее денег, а есть рис, гречка, макароны и какая-то птица. Точно! Будем варить суп. Я видел, как это делала Женька. Ставим на плиту кастрюлю с водой и кладем туда все подряд. Тадамс! Суп готов. На балконе я еще обнаружил лук, висящий в чул-

ке на гвоздике. Как-то раньше не особо попадался на глаза, хотя мои перекуры проходили в метре от него. В темнице балконного шкафа отбывала свой срок морковка. Освободив луковицу и пару морковок, я превратился в Гордона Рамси и пошел готовить. Как-то все изначально пошло не по плану. Я чуть не отрезал себе часть пальца, потому пришлось искать, где запасы медикаментов. Был еще вариант вызвать скорую помощь, но как-то стеснительно сие было. Вата не справлялась, бинты тоже. Нашел какой-то клей БФ-4. Погуглил, что он медицинский и клеит раны. Ну-ка! Ага! Кровища хлещет, но уже перемешивается с клеем. Вроде застывает! Потрогал пальцем, чтобы убедиться. Вроде не течет! Подул на палец. Клей подсох. Лук ушел в суп, приправленный моими слезами и кровью. Хотел порезать морковь на терке, но испугался стертых пальцев. Порезал как смог. И так сойдет. Понял всю глубину философии Вовки из Тридевятого царства. Дальше я все просто вывалил в кипяток. Морковь, курицу, рис, гречку и макароны. Сколько? Как говорят в кулинарных передачах, на глаз. Лупанул от души универсальной приправы. Помешал! По итогу суп получился какой-то мешаниной, впрочем, как и моя жизнь. Дегустация прошла успешно, я не отравился! Значит, можно жить! Не такой уж я и пропащий.

С едой вопрос решен, пора подумать и о другом аспекте своей жизни. Мне срочно нужны деньги, причем не разово, а постоянно! Какой-то доход! По образованию-то я ин-

женер-технолог, но на завод идти было не вариант, ведь если поставил подпись в заявлении о приеме на работу на галереи промышленности, то ты раб, и прав у тебя никаких нет. Ебашь, страдай, умри. Возможно, даже ты доживешь до пенсии. До мизерной, в три копейки, потому будешь вынужден ебашить тут до тех пор, пока система не насытится всей жизненной силой, а после выбросит отработанный продукт, заменив на новый. Этот адский круг не заканчивается никогда, меняются лишь таблички на кабинетах директоров, которые меняют таблички на кабинетах замов, и так по нисходящей. Новый круг крохоборов и набивателей карманов, а что делать обычному люду? Ебашить да облизывать ложку после черной икры, что оставила упитанная рожа, которая изо дня в день ведет борьбу с пуговицей, героически сдерживающей его пиджак от давления сала нутра.

Васькин стартап, где я раньше неплохо зарабатывал, купила крупная фирма, и он теперь на полученные бабки живет на каком-то острове в Атлантическом океане, потому этот вариант с работой тоже отпадает. А что если я буду сдавать комнату? У меня ж двушка! Уберусь там, да пусть живут себе. Так, глядишь, бабенка толковая попадется, кормить меня будет, а может, и перепадет чего поинтереснее. Ну на край пару семейную. Молодую. Без кошек, собачек и грудных детей, конечно же. Был у меня опыт такого соседства. Сверху тут заезжали. Вот веселуха-то была! Не спал неделю. Еле сбегнул! В общем, это надо обсудить с кем-то шарящим.

Я взял телефон и набрал своему другу Лёвке Коновалову.

– Алло, Лёва, здоров!

– О, Виталя, привет! Как ты, друг?

– Норм, я теперь в твоей тусовке!

– В которой?

– В тусовке счастливых разведенцев.

– А что случилось?

– Да если вкратце, то терпение моей благоверной закончилось.

– Твоей Женьке памятник при жизни надо ставить, за то что она тебя терпит.

– Терпела!

– А ты просрал ее.

– Таков путь!

– Ну ты даешь!

– Так, давай без нотаций. Ты вообще на чьей стороне?

– На твоей, конечно же.

– Так вот меня и поддерживай – я жертва, меня бросили.

– Сопли сам себе вытирай! – засмеялся в трубку Лёвка.

– Приходи, кароч! Надо перетереть кое-че!

– А выпить есть?

– Откуда? Я ж на мели.

– Печалище. Ладно, сейчас приду!

– Ну ты прихвати чего-нибудь, а то на душе кошки скребут, финансы же все ушли на алименты.

– Че ты мне лепишь, алиментщик?

– Ну раздел совместно нажитого, как там у вас это называется.

– У нас, Виталья, у нас!

– Все, давай! Жду!

Через полчаса на моем пороге нарисовался Коновалов Лев Платонович. Почему я позвонил именно ему? Да потому что он уже на опыте в этих делах. Женушка его Авдотья, зазнав о похождениях благоверного, выгнала его из дома к едрене фене, да еще и сожгла его фантастический роман в трех томах, неизданный и в единственном экземпляре. Мы ее теперь коллективно ненавидим. Не только Лёвка да я, но еще и многие представители Люберецкого клуба высокого искусства, который мы посещаем периодически. Да, я согласен, при живой жене ходить по другим дамам, какие бы они ни были, хоть красивые, манящие или даже просто доступные – дело недопустимое, но жечь годы труда человека и хоронить в нем великого писателя, а я читал, Платоныч действительно великий, но увы, сил в себе он больше не нашел, чтоб собрать старые материалы и написать все заново или придумать что-то еще, как и удержат член в своих штанах. Так они еще и разводились с великим скандалом и чуть ли не ножовкой пилили совместно нажитое. Лёвка, конечно, виноват, но ненависть к Авдотье от порчи чужого творческого наследия все равно не проходит.

– А закусить есть чего?

– Тещины разносолы.

– Нормально. В последний раз отведаем. Тебе ж теперь ничего не светит, – басовито заржал Лёвка.

– Ой, не говори ничего, теща у меня святая женщина, а закрутки у нее вообще космос, это тесть у меня мудак.

– А Женька?

– Женька – моя любовь и ей останется, даже если не вернется.

– Недостижимая муза Виталия Штольмана. А вернуть не пробовал?

– Нет. Я вообще-то жертва. Да и если она решила, то хоть конец света, ничего ее не переубедит.

– Это да, даже я ее побаиваюсь.

– Тебя она хоть скалкой не колотит.

– Бьет – значит любит.

– Ага. Кстати, суп будешь? Я тут приготовил.

– Ты?

– Ну да, а че там сложного?

– Удивил. Ну давай.

Я налил Лёвке тарелку супа, он весело поднимал ложку с этой жижой и плюхал ее обратно.

– М-да-а-а, это суп?

– А че нет-то? Я пробовал, вроде ничего.

– Вылей-ка ты его на хер, пока не потравился, а то сдохнешь тут в своей конуре один, – Лёва почесал затылок. – А продукты есть?

– Ну так, чего-то еще осталось!

– Давай-ка я тебе суп сварю. Нормальный!

– Че, в натуре?

– Ага.

– Лёвка, ты мой спаситель!

– Наливай давай.

Лёвка лихо справился с готовкой нового супа.

– Как ты лихо научился-то!

– Я так-то третий год холостякую.

– И че, обратно в семью неохота?

– С Авдотьей? Не-а. А тебе чего, охота?

– Я пока не понял, но когда на меня постоянно не орут и не трахают мозги, кажется приятным. Начинаю привыкать к этому.

– Это ты погоди! Еще все прелести холостяцкой жизни не ощутил.

– А чего там?

– Всему свое время, мой друг! С минусами разберись для начала.

– Ага, с бытом-то я еще худо-бедно разберусь, а вот с бабками надо чего-то решать. Раньше Женька была кормилицей.

– А че, книжки твои в самиздате не продаются?

– Да разве ж это деньги? Рубль если в месяц упадет, так вообще хорошо.

– Непризнанных гениев чтят после смерти. Не думал о самоубийстве? – заржал Лёвка.

- Да иди ты! Хотелось бы сейчас какие-то дивиденды получать. Я вот чего подумал – буду комнату сдавать.
- Ты хоть знаешь, на что подписываешься?
- А есть варианты?
- Да не особо.
- А сколько с этого можно заработать?
- Ну десятку.
- М-да-а-а! Маловато!
- Тебе по-любому придется устраиваться на работу.
- Куда? На завод я больше не вернусь. Пошли они в жопу.
- Ну в такси. Права-то у тебя есть.
- Ага, есть у меня знакомый таксист. Ездит на арендованной тачке. По четырнадцать часов баранку крутит по московским пробкам. Семь дней в неделю. Это что, жизнь, что ль?
- Ну да, ломовая работа. На склад можешь пойти.
- Лёва, я сейчас обижусь на то, что ты не ценишь мой мозг. Ты как писатель должен меня понимать – ручками, особенно моими кривыми, работать не хочется.
- Лей давай! А чего с газетой той, ну где ты неделю работал?
- Я ж их послал, когда потратил десять штук на поездку на Селигер, а компенсировать этот жирный главред отказался. Ладно бы по своим делам, но нет. Я расследовал дела секты по саморазвитию.
- Виталья, ты их там ножом чуть не пошинковал.

– И что? Они хотели меня утопить. Их главный орал: «Омойте его в озере, ему надо смыть негативную энергетику!». Я им че, Муму? В озеро меня! Херушки!

– Так ты ж материал-то никакой и не добыл.

– А что, моего рассказа им было мало?

– Журналистские расследования работают немного по-другому!

– Не буду больше ничего расследовать! – буркнул я и бухнул рюмкой о стол.

– Ты не пыли! Им рассказы твои нравятся. Тем более главред у них тоже еврей. Вы ж своих не бросаете!

– Лёва, не начинай свою антисемитскую тему! Тем более у нас как-то не задалось с ним. Помнит поди, как я его на хер послал при всех его сотруди́нчках.

– Молчу, молчу! Ты, главное, начни с чего-нибудь! Хоть как-то зарабатывать.

– Платоныч, дай пять тысяч в долг.

– Я не это имел виду.

– Коновалов! – грозно рывкнул я и показал жест отнимания денег. – Давай деньги! Кошелек или жизнь!

– Ты на меня тут не ори, разбойник кухонный.

– Лёва, ты друг мне или не друг? – сменил я тон на более вежливый. – Я вот сдам комнату и сразу тебе все отдам, клянусь Посейдоном.

– А че Посейдоном-то? – заржал Лёвка.

Я звонко щелкнул по бутылке.

- Так это же Диониса вотчина.
- Ну тем более, Лёва! Спасай друга.
- Ладно, уговорил!

Глава 3

На следующее утро с очень больной головой я решил навести порядок в нашей с Женькой спальне. Ее-то я и решил сдавать. Это место потеряло свой сакральный статус, да и по площади было меньше, чем зал. Телевизор с кабельным был еще одним аргументом. Черт, за него ж тоже надо платить! Почему за все надо платить? Где ж мне взять столько денег-то?

Первоначальный импульс быстро прошел, и я решил сделать паузу. Как говаривал мой папка, отдых – это смена деятельности, посему я зашел в интернет. Расстроился от отсутствия продаж моих гениальных книг, хотя кого я обманываю? Полистал мемасы, было интереснее. Вспомнил, что надо сделать объявление на сдачу комнаты. Посмотрел, что пишут другие. Только для славян, без собак и кошечек и бла-бла-бла. Какой-то животно-людской национализм. Я, конечно, понимаю, что это чисто вкусовщина, основанная на культурном коде, но такое писать у меня рука не поднялась. В смысле, про славян. Кошки и собачки – точно нет, шерсть эта будет по всей квартире, а убирать кто будет? Да и с одежды ее скоблить потом, я против. Вот если попугайчик какой – еще ладно! А если говорящий, так это вообще плюс. Научу его материться, пока хозяин, ничего не подозревая, будет отсутствовать. Десять тысяч – вполне разумная цена,

считаю. Я и халявщиков всяких отфутболю, и, возможно, столкнусь с приличными людьми, но как их выявить на этапе знакомства? По наитию? Вопрос, требующий сложного обдумывания. Ну да ладно, главное ввязаться в драку, а там посмотрим. Я уже было нажал на кнопку «опубликовать», а затем вспомнил о фотографиях. Надо же доубираться, а делать снимки! Черт!

Врубил музон на всю ивановскую. Месть соседям сверху за игру на рояле. Кстати, игравшая песня «Проклятый старый дом» Короля и Шута заиграла новыми красками. Так хоть было чуточку веселее, когда трешь полы.

– Я не верю своим глазам! – раздался басовитый голос за моей спиной.

У меня сердце чуть не остановилось от страха. Где-то я уже слышал этот голос. Музыка затихла. Я медленно повернул голову. Надежда, что это не он, еще была, но увы. Мои опасения подтвердились. У двери моей спальни стоял «любимый» тесть. Добрый вечер! Точнее утро, блять!

Отец Женьки был типичным военным. Знаете, как старых фольклорных анекдотах. Брутален, туп и фуражка к голове прибита. Он и так не отличался умом и сообразительностью, так еще и с самолета прыгал с завидной периодичностью. С парашютом, конечно. Хотя хотелось бы, чтоб без. Или не раскрылся чтоб. Как этот кровопийца мне дорог! Количеству выпитой у меня крови позавидовал бы сам граф Дракула. Это я в школе его боялся, когда он гонял меня из

своего подъезда и выдира́л Женьку из моих объятий, сейчас-то все было иначе. Обычно я смотрел на него как на сельского дурачка, не воспринимая всерьез, а иногда и улыбаясь от его телодвижений, а если бравый генерал хотел дискуссии, то его можно было размазать по стенке – виртуально, конечно, физически эту ряху хрен победишь – несколькими умными словечками, от которых процессор в его тупой башке перегревался так, что он начинал издавать звук старого DSL-модема, а в глазах его возникала плашка с надписью "404 ERROR". Правда, тупым он обычно после этого считал почему-то меня, но все равно неимоверно злился. Пар, валящий из всех естественных отверстий, разгонял кровушку так, что «любимый» тесть мог перейти и к рукоприкладству. В прошлую нашу встречу он начал колотить меня прямо возле ресторана, куда меня притащи́ла Женька. Я честно не хотел идти, но сдался. Сдался и от ударов колотушек Его Тупейшества. Благо на мне была спартаковская футболка с автографом Титова, а по великой случайности мимо проходили фанаты, которые наколупали «коню». Он в форме был своей генеральской, потому и приняли его за болельщика ЦСКА, хотя, наверно, так и было на самом деле. Он же идейный.

Сейчас же мы были тет-а-тет в квартире, откуда пару дней назад сбежала его доченька. Помощи ждать было неоткуда. Стало немного боязно.

– А вы как сюда зашли?

Тесть резко бросил в меня Женькиными ключами. Увер-

нуться я не успел. Резкий, сука!

– Чего скулишь, Золушка? Вещи собрал?

– Какие вещи?

– Женькины.

– Так она ж с ними уехала.

– Остальные собирай. Время тебе на все про все – генерал посмотрел на командирские часы со звездой – пятнадцать минут! Время пошло!

– Какие вещи-то? Она чего вообще сказала-то?

– Десять минут!

– Я, короче, без понятия!

– Пять минут.

– Давайте уже ноль минут и валите из моей квартиры.

– Чего сказал?

– Я вас сюда не пускал!

– Еще жены дух не остыл, а он уже тут раскомандовался. Хотя хорошо, что наконец-то до нее дошло, какой ты моральный урод. Мы ей нормального найдем. Десантника. Есть у меня достойная кандидатура. Целый майор. Боевой опыт. Медали. Орден. Перспективы. Бригадой в будущем будет командовать. Не то что ты! – тесть посмотрел на меня как на говно, я ответил взаимностью.

– Раз ты мне не тесть уже, то вали-ка ты на хер уже отсюда! Это моя квартира! Сейчас вообще ментов вызову и напишу заяву на тебя за незаконное проникновение в чужое жилище.

– Тебе башку сломать?

– А я заяву и на это напишу, понял? Пусть тебя потом твой военный суд и судит! Там, говорят, те еще гуманисты. Поедешь лес валить в Мордовии!

– Пф-ф-ф, так и знал, что ты тряпка.

– Все! Разговор закончен!

– Ты че тут халупу свою пидоришь? – не унимался тесть. – Еще жены дух не остыл, а он уже бабу сюда привести собрался. Придушил бы вот этими ручищами, да сидеть за тебя не хочется.

– Какую бабу?! Бизнес у меня перспективный, понял?

– Рот свой убей и иди манатки дочери моей собирай.

Я нашел какие-то вещи Женьки и начал складывать их на кровать.

– Сдавать буду комнату. И ты мне тут мешаешь, скоро потенциальные съемщики придут.

– Ты хули мне тут тыкаешь, сопля подзаборная?

– «Снаружи это прекрасные, открытые люди – здоровые, жизнерадостные, отважные. Изнутри же они начинены червями. Крошечная искра – и они взорвутся».

И генерал взорвался.

– Чего сказал?

– Это Генри Миллер сказал. «Тропик Козерога» читал? Вот там о таких как ты написано.

– Это вообще кто?

– Конь в пальто.

Я бегал от него вокруг кровати, стоявшей посередине

комнаты. Генерал с раскрасневшейся мордой пытался меня ударить, благо годы забрали в нем былую резвость, да и отодвинутое лежбище, под которым я решил вымести от стены вековую пыль, въевшуюся в полы, спасало меня.

– Кто, блять? – не унимался тесть.

– Гений!

– Опять умничаешь!

– Отнюдь!

– Хуюдь!

В дверь вошел какой-то очкарик лет двадцати.

– Здравствуйте!

Генерал остановился, посмотрел оценивающе на вошедшего.

– Ты кто, додик?

– Я не додик. Я... я... комнату пришел посмотреть. Смотрю объявление, а фоток нет, а я тут рядом был, через два дома, дай-ка, думаю, прогуляюсь. А вы хозяин квартиры, да?

– Штольман, блять! – заорал генерал. – Убери это чучело с моих глаз!

– Тебе надо, ты и убирай, а он может потенциальный съемщик.

– Эта вот комната, да? Неплохо! Мне нравится! – вполне спокойно констатировал факт вошедший.

– Ага, – ответил ему я.

– Цирк уродов! – гаркнул тесть и махнул рукой.

– Тебя как зовут? – решил я не спугнуть квартиросъем-

щика.

– Миша.

– Миша, ты не обращай внимания. Этот странный мужик уже уходит, и его больше никогда тут не будет.

– И слава богу! Не могу тут уже находиться. Как она вообще с тобой жила, ума не приложу. Конченный просто. Конче-ны-ы-ый! – орал тесть. – На улице жду у подъезда. Вынесешь!

– Бегу и падаю!

– Че сказал? – замахнулся он на меня, я дернулся.

– Вынесу, вынесу!

Генерал ушел.

– Да я тут с женой развелся, тесть это, обиженный на весь свет.

– Он точно не вернется?

– Точно.

– Ну мне все нравится. А можно уже сегодня заезжать?

– Деньги вперед. У меня тут, знаешь ли, какой спрос – люди толпами ходят. Рубль гони в залог и придержу на денек комнату для тебя.

– Отлично.

Меня покинул и Михаил, а я начал собирать Женькины вещи. Набралось еще на целую клетчатую китайскую сумку. Как они это делают – я вообще ума не приложу. Вроде немного ж было, тут чуть-чуть, там чуть-чуть, и на тебе – солидная поклажа, хоть тройку лошадей вызывай, хотя один

бравый генерал, думаю, справится на своем горбу. А ведь это еще она свое право на вилки с ложками не предъявляла. Пока не предъявляла.

– Держи! – протянул я сумку.

– В багажник клади! – махнул рукой он на стоящий рядом УАЗик.

– Ага! Ща! – я демонстративно бросил сумку оземь и пошел в сторону подъезда.

– Че сказал? – тесть ринулся за мной, но я был быстрее у подъездной двери, которая захлопнулась пред его носом.

– Царь, блять! Сам иди грузи! – крикнул я ему, пока он дергал за закрытую дверь.

Пытать судьбу я не стал, ибо при правильном подходе ворота в мой подъезд долго не протянут. Я сам пару раз вырывал магнитный замок. Ставишь левую ногу в район магнита и резко дергаешь за ручку. И все! Хорошо, что этот придурок не догнал сей тонкости. За несколько секунд я добежал до квартиры, захлопнул дверь, закрыл ее на оба замка и защелку, опасливо глянул в глазок. Никого. Вышел на балкон. Откуда открывался прекрасный вид, как генерал херакнул со всей дури багажником своей служебной лайбочки. Я помахал ему рукой и улыбнулся. Он не оценил, пригрозил мне кулаком. Что-то крикнул, было непонятно, но сто процентов гадость. Хорошие вещи в мой адрес от него не услышать.

«Надеюсь, больше не увидимся!» – подумал я и прикурил сигаретку.

УАЗик уехал, а на горизонте появился Миша с тележкой, которую он, видать, дернул с ближайшего супермаркета. В ней он вез свои вещи! Вот вроде и додик, а смысленый. Молодец, Миша! Молодец!

При распаковке вещей моего потенциального сожителя обнаружился неожиданный объект в виде аквариума с муравьями.

– Миша, это что?

– Муравьиная ферма! Красные огненные! – с гордостью сказал он. – Представляете, это самые опасные ядовитые муравьи!

– Ты прикалываешься?

– В объявлении было написано, что без кошек и собак, про муравьев ни слова.

– А если они тебя укусят? Ну или меня, что еще страшнее.

– Да не, смертельных случаев не было еще у людей. Так, волдыри, отеки, ну, может, голова покружится и порвет немного. Случаев таких особо много не было, но все покушанные ими люди вроде выжили.

– Вроде?

– Ну я гуглил, вроде никто не умер.

– Вроде, Миша? Ты просто погуглил и завел себе ядовитых муравьев?

– Ага, – как пятилетний мальчик, поймавший стрекозу, обрадовался он.

– Миш, ты или относишь их подальше от моей квартиры

и заселяешься, либо уходишь вместе с ними.

– Вот и вы туда же! Смотрите, какие они классные!

– Я все сказал!

– Ну на ночь-то пустите? Мне ж некуда идти! Я вам рубль заплатил.

Я вытащил из кармана тысячу и сунул бумажку в нагрудный карман его рубашки.

– До свидания, Миша!

– Но...

– Без «но»! Выбирай!

– Пойдем, друзья мои! И отсюда нас гонят эти непонимающие злые люди! А вы такие хорошие.

– Успехов, Миш! Ничего личного!

– До свидания!

Через пару часов мне набрал еще один странный тип.

– Эй, йо, man, apartments арендуешь? – очень пафосно начал мой собеседник.

– Чего?

– Ну объяву твою видел, man, все еще в силе?

– Ты насчет комнаты?

– Of course, man! Я подскочу, ок?

– Когда?

– Через часок.

Я повесил трубку. Что за день-то такой – то генерал этот приперся, то любитель ядовитых муравьев, сейчас кто?

На пороге стоял пацан лет двадцати в широких штанах,

футболке размеров на пять больше, чем надо, и кепке с прямым козырьком.

– Эй, йо, man, hi! Man, ты apartments арендуешь?

– Ебать!

– What?

– Ты англичанин, что ль?

– Нет, конечно! Я из Ярославля, слыхал за такой?

– Слыхал!

– Бро-о-о-о! – он пожал мне руку и приобнял, как будто мы выросли на одном районе. Я же просто стоял и охуевал от этого персонажа. – Ты понимаешь, man, я – гэнгста, хасла там, движ-миж, Wu-tang clan, N.W.A., я приехал in this city, в столицу real гэнгста, сечешь, man? Пиу-пиу, – пацан стрельнул из пальца, – я хочу, man, прочувствовать vibe криминальной столицы России.

– Так это тебе в Новосибирск надо!

– No, no, no! История здесь, сечешь, man? Криминалити! Пиу-пиу, – он снова стрельнул из пальца.

– Хочешь прочувствовать атмосферу Люберец, бро? – решил я подыграть юному Лаки Лучано. Сейчас Мейер Лански покажет тебе.

– Of course, man! – обрадовался мамкин гангстер.

– Ну пошли!

– E-e-e-e-e, real хасла!

Мы вышли из дома и двинули в сторону ближайшего гаражного кооператива, я там подбухиваю периодически с му-

жиками. Хорошие ребята, душевные и наливают на халяву. Я частенько, стоя на бочке из-под какого-то масла, ору, как у Есенина ветер веет с юга. Ну это так, чтобы разбавить их беседы о ведрах, в которых они копаются ото дня ко дню. Там же трется и Генчик, сын Тamarки из 35-й квартиры. Ему шестнадцать, а он уже сколотил вокруг себя банду юных уголовников и кошмарит сверстников. Почему он еще не сидит – большой вопрос, но скоро, думаю, мечта его исполнится.

– Здорова, мужики! – сказал я пустоте, зайдя в гараж.

Из ямы вылезла чумазая морда Аркадьича.

– О, Виталя! Здорова! Давненько чего-то тебя не видно было. Жена, что ль, арестовала?

– Да не, ушла от меня жена.

– Че, серьезно? Сочувствую, брат.

– Да ничего, прорвемся!

– А это кто с тобой?

– Исследователь исторического наследия Люберец!

– Чего?

– Да забей, тут Генчик Тamarкин не пробегал?

– Видал, он на соседней линии мопед какой-то крутит со шпаной своей.

– Ага, спасибо.

– Виталь, ну ты не пропадай, заходи, накатим. Я тут винцо на яблоках сделал, надо пробу снять. У меня на даче в Луховицах сам же знаешь, какие растут, – руками он обозначил размер яблок с футбольный мяч.

– На обратном пути забегу.

– Давай, жду.

На соседней линии Генчик и правда крутил какой-то мопед, который, скорее всего, у кого-то отжал.

– Здорова, пацаны!

– Здравсти, дядь Виталь! – хором ответили они и начали оценивающе рассматривать моего спутника.

– Thanks, man! – оживился мамкин гангстер, – ты решил свести меня с настоящими преступниками? – он подошел к мопеду и поиграл с газом.

– Слышь, черт, пакши свои убрал! – дерзанул ему Генчик.

– Е-е-е-е, man! Ты такой гэ-э-э-энгста!

– Ладно, пацаны, бывайте!

Я развернулся и пошел дегустировать яблочное вино Аркадьича.

– Дядь Виталь, дядь Виталь! – окликнул меня Генчик и подбежал ко мне.

– Чего?

– Это че за черт? И на хер ты его к нам привел?

– Человек хочет погрузиться в атмосферу Люберец.

– Чего?

– Ну он типа гангстер.

– И че нам с ним делать?

– Делай че хочешь.

– А вы мамке не расскажете? А то сами знаете, какая она у меня. С ней не забалуешь.

– Не расскажу, не ссы, – подмигнул я Генчику, – до больницы только не доводите англичанина.

– Он че, в натуре англичанин?

– Да не, понтуется! Из Ярославля он. Ладно, бывай!

Я еще не успел дойти до прогала между гаражами, а гангстера уже разули и стягивали с него модную кофту.

«Удачи, исследователь!» – подумал я и пошел прочь. Меня ждал приятный вечер в отличной компании.

Глава 4

Плохо без жены. Ты лежишь на диване, чувствуешь, как последние жизненные силы выходят из тебя. И никто не протянет руку помощи, не принесет чашку горячего чая или супа, даже воды на последнем издыхании. Я лежал и смотрел в потолок, готовясь уйти в Валгаллу, проиграв битву с яблочным вином Аркадьича. Как я ненавижу все эти эксперименты. Почему, когда человек решается стать новатором, где-то рядом оказываюсь я?

«Яблоки-то из Луховиц! Луховицы! Луховицы! Это знак качества!» – орал синий адепт Диониса.

Вот уж не знаю насчет экологической чистоты в Луховицах, да и какие там к черту яблоки – одни ведра с огурцами стоят вдоль трассы, – а вот с винишком было что-то не то. Об этом мне с самого утра сообщал желудок, причем вчерашнее его содержимое уже давно все вышло, а сегодняшнее приниматься не хочет. Почему я не умер вчера? Вороны кружили надо мной, запах смерти чувствовался пред глазами. Старуха с косой уже уверенными шагами направлялась по моему адресу, леденяще смеясь. Где-то вдалеке я слышал ее, и она приближалась.

Из последних сил воин света встал с дивана и побрел под свист в ушах в далекие дали, что именовались кухней. Чаяк помогал выжить, но не сильно. От алкогольного отрав-

ления надо что-то посерьезнее. Я пошукал по шкафам, ничего похожего не нашел, а в аптеку идти сил не было вообще. Вот жена бы сейчас пригодилась. Женька сделала бы все, чтобы исцелить меня. Конечно, орала бы, что я алкаш, сволочь и вообще не достоин ее белой магии и всего, чего можно быть достойным. Это однозначный минус холостяцкой жизни. Как же меня бесит пить! Минус два дня. Один ты пьешь, второй страдаешь. И эти дни редко ходят отдельно.

Лёвка подарил мне кулинарную книгу, чтобы я не потрапился от своего изысканного варева, однако от этого легче не стало. Вроде она называлась «500 рецептов блюд русской кухни», но все же возникали сложности с тем, что автор книги хотел от меня. Ребрышки мамонта, жир динозавров, какой-то особый вид укропа из недоступных человеку районов Сибири. Алло, блять! Вы там серьезно? Не думал, что это оказывается так сложно. Купил в магазине несколько дошиков. Вот чудо из чудес. Кто вообще до этого догадался? Поставьте ему памятник при жизни! Что за человек, человечиче просто! Гений кулинарной мысли. Главное только красивый не брать, а то в желудке словно термоядерная бомба разорвалась. После такого стоит аккуратно ходить в туалет, а то ненароком еще унитаза расколоть можно. Выбор мой пал на зеленый. Есть еще грибной, но это, я считаю, уже какие-то извращения боярские.

В самый разгар моей трапезы ко мне наведалься Коновалов.

– Будешь? Могу и тебе заварить. Мне для друга ничего не жалко.

– Особенно когда жрешь за его счет.

– Я тут при смерти, а он все о деньгах да о деньгах. Тут о высокой философии мысли идут – о жизни и смерти, – а ты все о житейском.

Платоныч осуждающе смотрел на меня и молчал. В этой тишине было больше слов, чем в самой залихватской беседе.

– Лёв, да отдам я! Сейчас комнату сдам – и все будет ок.

– Добро, добро!

– Все, не смотри на меня так!

– Как?

– Будто я душу тебе продал.

– А что, нет? – Лёвчик рассмеялся.

– Тебе заварить? – я указал товарищу на новенький и ма-
нящий дошик.

– Да не, я эту гадость не ем.

– Давно ли?

– Как мультиварку купил.

– Ну-ка с этого места поподробнее.

– Ну че, накидал туда всякого, на кнопочку нажал, через полчаса готово. Ешь неделю.

– Прям-таки неделю?

– Ага. А еще ж нарезанное сейчас продают, и мясо и овощи замороженные. Можно даже руки не пачкать. Холостяцкая мечта прям.

– Чудо какое-то прям. Так, сколько она стоит?

– Рубля два.

– Бля, дорого.

– Ну да, дошик-то дешевле, а потом будешь орать, что же лудок болит, и вообще помирать собрался. Ты пока долг не отдашь, даже не вздумай помирать, понял?

– Да сдам сейчас комнату и все будет. И хавка нарезанная, и мультиварка. Заживу, Лёвка, как олигарх.

– Какие у тебя большие надежды на эту десятку.

– А то.

– Ну ты когда комнату сдашь-то?

– Да вот девочка звонила, приедет скоро смотреть.

– Это ты намекаешь мне, чтобы я побыстрее проваливал?

– Ага. А что подумает леди, когда увидит в квартире двух мужиков? Особенно тебя, амбала с серьезными щами на лице. Развернется и сбежит.

– Что это серьезными?

– Лёва, я тебя умоляю, иди уже. Если я говорю, что убежит, значит, убежит.

– Убежит, но не из-за меня. Нечего тут бочку катить в мой адрес!

– Лёва, ты денег хочешь? Вот иди! Не мешай развитию моего бизнеса.

– Ладно, бывай, бизнесмен!

Лёвка ушел, а через полчаса на моем пороге появилась довольно-таки симпатичная татарочка. Гуля ее звали. Родом

она откуда-то из-под Ульяновска, но всерьез намеревалась покорить столицу, а все, у кого нет денег, оказываются здесь, в Люберцах или им подобных, обычно место дислокации выбиралось в направлении дома, чтобы удобнее было ездить на историческую родину без пробок, не преодолевая половину МКАДа, что казалось вполне логичным, ибо в праздники на выезде из столицы творился самый настоящий ад. Москвичи все рвут на дачи, а мигранты восwoяси – пополнять запасы провианта из мамкиного погреба.

Я вообще любил татар, они придумали чак-чак – божественное лакомство, которое не отпускает, пока все не съешь. Как семечки, только с зависимостью героина. Не раз попадался на этот медовый наркотик, но, черт побери, было приятно. Как и смотреть на Гулю! Такая красота будет жить по соседству – одни плюсы. Спасибо, жизнь! Я оценил. А вдруг перепадет мне еще? Хотя нет. Настолько удачно все просто не может сложиться, да и что ж тогда – за комнату она, получается, будет натурой расплачиваться? Нет, так нельзя, мне нужны деньги. Бесплатная женская ласка – это, конечно же, хорошо, но явно не сейчас. Экономика моя нестабильна. Да какой там нестабильна, как говорят люди в ящике, у нее отрицательный взлет, причем стремительный. Кредиторы насели и не слазят, а доходов все еще нет, нечего рот раскрывать на чужих женщин. И официально я еще не развелся, потому стоит попридержаться коней. Вдруг жена изъяснит желание все-таки вернуться к любимому мужу. Чем

черт не шутит? Знал и более непредсказуемые примирения. Люди ж максимально странно ведут себя в амурных делах.

– А вы один живете? – спросила у меня Гуля.

– Сейчас да, раньше с женой жил, теперь вот один. Мы разводимся.

– Ой, я думала, что у семейной пары буду снимать. Как я буду под одной крышей с незнакомым мужчиной жить?

– Ну в контексте жизни с парой незнакомый мужчина никуда бы не делся.

– Это другое. Там жена. Правильно все должно быть, а это неправильно.

«Губу-то он раскатил! – смеялся мой внутренний голос. – Виталик, тебе тут ничего и не светило. Ни красот, ни чакчака, ни денег, а кредиторы насаждают».

– Я, наверно, пойду, извините за потраченное время.

– Да ничего.

Еще не успела закрыться за Гулей дверь, мне снова позвонили – какая-то девчонка взволнованно тараторила мне в трубку.

– Алло, алло, девушка, де-е-еву-у-у-ушка! Давайте помедленнее.

Помедленнее у нее не вышло. Тогда пойдем по-другому.

– Вы по поводу комнаты?

– Да.

– Посмотреть хотите?

– Да.

– Приезжайте.

Она из Пензы, что ль? Был у меня в армии сослуживец. Звали мы его Сережа-радио. Хер заткнешь. Говорит-говорит, а чего говорит? Хер его знает. Мы ему: «Сережа, давай помедленнее!», а его и не остановить, да еще и нараспев так, глотая половину букв, потому вот и радио, а еще через год молодой один из области его пришел, так они друг другу тараторят, как будто соревнуются в скороговорках, и ведь понимают, чего калякают. Вроде по-русски говорят, но так быстро, что толком и не разобрать. А если синий, то вообще пиши пропало. Сейчас она придет, я ее на «питьсят» проверю. Во всей стране пятьдесят, а у них в Пензе «питьсят». Как мы Сережу не пытались переучить, вообще ни в какую. «Питьсят», и все тут.

– Здрасти! – очень быстро сказала девчушка. – Маша!

– Виталя! Проходите! – я буквально напрягался, чтобы вслушаться в ее быстрый язык, к тому же она еще и жвачку жевала. Квест высшего уровня сложности.

Она зашла, посидела на кровати, покачалась немного.

– Хорошая кровать!

– На свадьбу подарили. Не так давно. Ортопедическая.

– А че ж вы сами на ней не спите?

– Так не с кем уже, да и у телека половчее. Там по National Geographic такие истории показывают, закачаешься.

– Отлично! – похоже, меня она слушала вполуха. – Ком-

ната пойдет, как будто женщина руку приложила.

– Так я ж и говорю, что раньше тут жила женщина. Теперь не живет.

– Увяли помидоры?

– Типа того.

– Мне нра.

– Чего?

– Нравится.

«Что она, интересно, будет делать с этим временем, которое у нее остается после подобного сокращения слов?» – подумал я.

– Я тут кое-че дохендмейдую и все будет ок, клиенты будут в восторге.

– Какие клиенты? Водить сюда никого не надо.

– Да я не буду, не переживайте, – расхохоталась девчушка.

– Ну тогда по рукам? – я протянул ей руку.

Она пожала слегка мою. Мягкая ручка, нежная.

«Вот бы ее пристроить куда-нибудь или разложить. Так, Виталья, не сейчас. К решению вопроса по личной жизни приступим потом», – продолжался мой внутренний диалог, который сопровождался желающим взглядом. Такой взгляд не скрыть, глаза выдают. Глаза вообще все эмоции выдают. Как там говорится, зеркало души. На том и погорел.

– Только чур не приставать, хорошо? А то я на вас заяву накатаю.

А приставать там было к кому. Знаете, бывают такие ком-

пактные девчушки – вроде и роста невысокого, но все при них, пропорционально и качественно, верти-крути как хочешь, думаю, вы понимаете, о чем я. Вот это был примерно такой экземпляр. Еще и на мордашку приятная. Волосы до задницы. Года двадцать два ей, наверно, только институт закончила, приехала на работу устраиваться. Я теперь как Эрлих Бахман из «Кремниевой долины», что дает кров над головой людям, желающим изменить свою жизнь. Не бесплатно, конечно же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.